

До самого заката Се Сицзэ приглашал Чжан Шуцзин остаться на ужин, но молодая девушка должна была вернуться к работе, и он не стал ее задерживать, проводив до ворот. Когда она ушла, он обернулся и встретился взглядом с Сун Ле, который смотрел на него издали.

Се Сицзэ усмехнулся, скрестив руки на груди. Он подошел к Сун Ле и остановился перед ним, с насмешкой:

— Чего это? Злишься?

Сун Ле холодно посмотрел на него:

— Ты любишь эту девушку?

Он только что стоял за дверью, и ему потребовалось много самообладания, чтобы не разлучить их.

Сун Ле понял, что он абсолютно не может терпеть, когда Се Сицзэ смеется и разговаривает с кем-то другим. Темная сторона его души неудержимо поднималась, и вся его обычная сдержанность исчезала. Он мрачно смотрел на Се Сицзэ, не отрывая взгляда.

Се Сицзэ словно услышал что-то смешное:

— Разве я должен любить ее, а не тебя?

Он серьезно посмотрел:

— Господин Сун, не обманывайте меня. Я кое-что смутно помню о наших отношениях, но это не то, что вы говорите.

— Они говорят, что вы воспитывали меня как своего ребенка, что вы мой крестный отец. Вы сами отрицали это, и я тоже так не считаю.

Се Сицзэ странно посмотрел на него и усмехнулся:

— Крестный отец — это не очень хорошее слово, оно звучит как-то злое, не так ли?

Сун Ле был взбешен этими словами, но не стал упрекать его. Весь день он молча работал, и той ночью не подкрадывался к Се Сицзэ, чтобы подсмотреть, как он спит. Его лицо оставалось мрачным до самого утра.

Се Сицзэ от природы был худым, и набрать вес ему было нелегко. После двух дней болезни даже то небольшое, что было на его лице, исчезло. Хотя он немного загорел в деревне, его кожа все еще была бледной, и он выглядел слабым. Бабушка Гуйхуа очень заботилась о нем, каждый день придумывая новые способы приготовления супов и отваров, которые женщины используют для укрепления здоровья, питая кровь и легкие. Каждое утро она настаивала, чтобы он выпивал чашку каши с красными финиками.

Се Сицзэ не мог отказать старушке и покорно выпивал чашку каши. Сладкий и липкий вкус заставлял его зубы ныть, и он с гримасой сказал:

— Бабушка, это для женщин. Я уже несколько дней пью это, завтра можно не готовить?

Бабушка Гуйхуа неодобрительно посмотрела на него:

— Какие несколько дней? Ты только вчера начал пить. Такие вещи нужно пить долго, чтобы был эффект. Посмотри на себя, ты худой как щепка, на лице ни капли крови, а твои бедра тоньше, чем рука Сяо Суна.

Се Сицзэ:

...

Он молча посмотрел на свои бедра, сравнил их с рукой Сун Ле и серьезно сказал бабушке:

— Они в порядке, вы просто не так посмотрели.

Он похлопал себя по бедрам. Летом было жарко, и он носил шорты до колен. Когда он сидел, его белые бедра были видны. Заметив взгляд Сун Ле на своих ногах, Се Сицзэ быстро убрал их под стол и защищался:

— Мои ноги не такие уж тонкие.

Бабушка Гуйхуа посмотрела на него:

— Мальчишка, выпить чашку каши — это не подвиг.

Говоря это, она потянула Сун Ле:

— Сяо Сун, я уже старая, не могу заставить его слушаться. Ты следи за ним, ребенка можно баловать, но когда нужно слушаться, он должен слушаться. Если не слушается — наказывай.

Сун Ле с легкой улыбкой посмотрел на Се Сицзэ:

— Я знаю. Если Сяо Цзэ не будет слушаться, бабушка, не беспокойтесь, я буду его воспитывать.

Бабушка Гуйхуа нашла в Сун Ле союзника, и он тоже внимательно следил за его здоровьем. Они стали на одну сторону. Увидев, что бабушка поддерживает не его, а постороннего, Се Сицзэ рассердился еще больше.

— Бабушка, признай господина Суна своим старшим внуком, а я уйду.

Бабушка Гуйхуа шлепнула его по руке:

— Опять ты говоришь глупости.

Се Сицзэ, говоривший глупости, был расстроен. Сегодня не было никаких дел, и после завтрака он вернулся в комнату, чтобы немного поспать. Мужчина следовал за ним до самой двери, и Се Сицзэ преградил ему путь:

— Я хочу спать, уходи.

Сун Ле даже не поднял глаз:

— Я уйду, когда увижу, что ты принял лекарство.

Се Сицзэ в ярости ударил его:

— Ты правда хочешь меня воспитывать? Сун Ле, я тебе говорю, я больше не вернусь с тобой. Я останусь в деревне Лотоса. Я взрослый человек и могу отвечать за себя.

Сун Ле уперся локтем в дверь, и Се Сицзэ не смог ее закрыть. Он повысил голос:

— Ты правда не уйдешь?

Сун Ле не шевельнулся:

— Я уйду, когда увижу, что ты принял лекарство.

Се Сицзэ, доведенный до края, покраснел, но в конце концов сдался. Ругая его, он покорно принял лекарство перед ним и резко сказал:

— Я принял!

Сун Ле кивнул, погладил его по голове, как собаку, и, взяв стакан с водой, вышел, заботливо закрыв за собой дверь.

Се Сицзэ смотрел на спину мужчины, не в силах вымолвить ни слова.

После обеда Чжан Шуцзин снова пришла. Девушка хорошо выбирала время: бабушка Гуйхуа отдыхала, а Сун Ле был занят видеоконференцией на ноутбуке. Взрослые и старики были заняты, и двое молодых людей остались наедине, что неизбежно вызвало некоторые романтические мысли.

Се Сицзэ любил слушать рассказы Чжан Шуцзин. Она много путешествовала по разным местам и встречала много интересных и странных людей. А Се Сицзэ в прошлой жизни, кроме Чуаньчэна и редких поездок с Сун Ле, никогда не покидал город, добровольно ограничивая себя рядом с Сун Ле, словно в тюрьме, охраняя усадьбу Сун и ожидая возвращения мужчины.

Чжан Шуцзин путешествовала по всему свету, и ее рассказы о необычных событиях вызывали у Се Сицзэ интерес и желание увидеть мир. Глядя с крыши двора на бескрайнее небо, он с завистью сказал:

— Я действительно тебе завидую.

Чжан Шуцзин фыркнула:

— Все ради заработка. Кто не хочет жить дома, как господа и барышни, спокойно и комфортно?

Се Сицзэ с блестящими глазами посмотрел на нее:

— Я действительно тебе завидую.

Он вдруг замолчал, заметив краем глаза мужчину, стоящего за дверью. Злая мысль мелькнула в его голове, и он медленно приблизился к Чжан Шуцзин.

Лицо девушки мгновенно покраснело, но Се Сицзэ остановился, сохраняя дистанцию. С точки зрения Сун Ле это выглядело так, будто они целовались.

Се Сицзэ отступил, посмотрел на небо и сказал:

— Бабушка Гуйхуа скоро проснется, мне нужно помочь ей. Я провожу тебя.

Девушка смущенно промямлила «Ой», хотела спросить, есть ли у Се Сицзэ к ней чувства и почему он не поцеловал ее, но была слишком застенчива и так и не решилась.

Проводив Чжан Шуцзин, Се Сицзэ закрыл дверь и, обернувшись, чуть не столкнулся с человеком, оказавшимся у него за спиной.

Лицо Сун Ле старательно сохраняло спокойствие, но когда Чжан Шуцзин ушла, оно изменилось.

Се Сицзэ, немного отомстив, был доволен и возбужден, и теперь, переполненный эмоциями, не боялся мрачного лица Сун Ле:

— Господин Сун, ну пожалуйста...

Его руку схватили с болью, и Сун Ле, широко шагая, почти потащил его за собой.

Войдя в комнату, Сун Ле запер дверь на ключ. Се Сицзэ, потирая покрасневшее запястье, поднял голову и увидел, как тень накрыла его.

Сун Ле приближался все ближе, и Се Сицзэ прижался к стене у изголовья кровати.

Мужчина наклонился, его горячее дыхание коснулось носа и губ Се Сицзэ. Его карие глаза вспыхнули жадным светом, и он пристально смотрел на его губы.

Се Сицзэ в панике хотел прикрыть рот, но его запястья крепко схватили, и Сун Ле одной рукой зажал обе его руки над головой у стены.

Разница в телосложении делала сопротивление Се Сицзэ бесполезным перед Сун Ле: один был взрослым мужчиной, а другой — еще неоперившимся подростком.

Сун Ле холодно смотрел, его губы были всего в сантиметре от губ Се Сицзэ. Се Сицзэ плотно закрыл глаза, его длинные ресницы дрожали:

— Что ты делаешь!

Ему даже показалось, что его губы коснулись чего-то мягкого. Он в панике открыл глаза, его большие яркие глаза покраснели, и никакого прежнего задора не осталось.

Сун Ле крепко держал его руки, его длинная нога упиралась в его тело, и он не отрывал жадного взгляда. Они оставались в таком положении целых пять минут, и когда Се Сицзэ осторожно выдохнул, мужчина быстро наклонился и коснулся губами губ Се Сицзэ, слегка ущипнув их в наказание, прежде чем отпустить.

Сун Ле с невозмутимым лицом, но холодным тоном сказал:

— Сяо Цзэ, я говорил тебе не шалить. Если ты снова так сделаешь, я накажу тебя.

Он строго посмотрел на Се Сицзэ с головы до ног:

— Я поцелую тебя в другом месте, если ты снова посмеешь.